

Савельев Андроник Минаевич

**Сборник донских народных
песен**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А66

А66 **Андроник Минаевич С.**
Сборник донских народных песен / Савельев Андроник Минаевич – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 180 с.

ISBN 978-5-519-84348-5

ISBN 978-5-519-84348-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДОНСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Пѣсни историческія составляютъ безъ сомнѣнія, самый богатый и интересный отдѣлъ донскихъ народныхъ пѣсень. Извѣстно, что на Дону и теперь поются пѣсни объ Ермакѣ, Азовѣ, Сенькѣ Разинѣ, Булавинѣ, Некрасовѣ и друг. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсень напечатаны въ сборникѣ Сахарова, но еще большая часть ихъ живетъ въ устахъ народа. А между тѣмъ всеокрушающее время идетъ впередъ и изглаживаетъ изъ народной памяти пѣсни о быломъ, о старинѣ, замѣняя ихъ современными модными романсами. Уже и теперь рѣдко попадаются между казаками знатоки старинныхъ пѣсень, отличающихся своимъ поэтиче-

скимъ содержаніемъ и звучнымъ выразительнымъ стихомъ; большею же частію молодое поколѣніе *дурачится*, по выраженію стариковъ, новомодными пѣснями. Не даромъ въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что старинная пѣсня поется не ради игры-забавы, а какъ-бы въ назиданіе. Случалось мнѣ видѣть праздничныя гульбища казаковъ: молодой народъ подопьетъ, бѣснуется, горланить плясовыя пѣсни; вдругъ какой нибудь сѣдобородый дядя, расчувствовавшись воспоминаніями о быломъ, затянетъ заунывнымъ голосомъ.

«Пріуныло, пріумолко войско Донское,
Пріужаснулася армейюшка Царя Бѣлаго».

Мгновенно все смолкнетъ и слушаетъ съ напряженнымъ вниманіемъ поучительную старинную пѣсню, а женщины, еще и расхныкаются: Но годъ отъ году все меньше и меньше становится у насъ такихъ пѣвцовъ, нашихъ *рылешиниковъ*. Можетъ быть, спустя еще одно поколѣніе, у насъ уже вовсе исчезнутъ старинныя пѣсни. Извѣстно, что народъ болѣе интересуется мотивомъ пѣсни, чѣмъ самымъ ея содержаніемъ; поэтому собирателю пѣсенъ по большей части приходится слышать только от-

рывки пѣсень, полпыя-же пѣсни можно узнать только отъ старожиловъ, которые уже доживаютъ свой вѣкъ. Но кромѣ этого, мѣщанское образованіе, состоящее въ ношеніи моднаго платья, да въ пѣніи сладко-приторныхъ лакейскихъ романсовъ, начинается мало по малу втѣсняться и въ казачью жизнь. «*Желтый блѣсъ* ужъ на столъ взлѣзъ» говорятъ верховыя казачки о самоварѣ; а *патраманицы*, *голошейницы* да *корзинницы* (*) жеманно распѣваютъ по станицамъ свои, лакейскаго издѣлія, романсы.

Казакъ народъ въ высшей степени пѣвучій. Свадебная-ли жизнь среди богатыхъ приволій, вѣчная и тревожная дѣятельность въ борьбѣ съ басурманами, а можетъ быть, и участіе всего народа въ интересахъ общественной жизни своей старины, были причиною развитія такой пѣвучести. Какъ-бы то нибыло, а казакъ почти при всякомъ случаѣ поетъ пѣсню; будетъ-ли то пѣсня о старинѣ, или о дороженькѣ не широкой, или просто одни звуки безъ смысла: *вздунай-наю-най*. Въ одной старинной казачьей

(*) Такъ называютъ въ верховыхъ станицахъ женщинъ, которыя мѣняютъ родной кубилекъ и кофакъ на модныя платья и прически.

пѣснѣ говорится о томъ, какъ казаки разгуливаютъ по Волгѣ-матушкѣ, въ изукрашенныхъ стружечкахъ:

«Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ;
Они хвалятъ, величаютъ православнаго Царя,
А бранятъ они, кляпуть воеводу,
Что, съ женою и съ дѣтьми и съ внучатами;
Заѣдаетъ воръ-собака наше жалованье,
Кормовое годовое наше денежное;
Да еще же не пускаетъ насъ по Волгѣ погулять;
Въ низъ по Волгѣ погулять, *вздунайнаго* воспѣвать».

Какъ видно, воспѣвать *вздунайнаго* казаки считали однимъ изъ признаковъ своей вольности, и воеводамъ не понутру были эти пѣсни, сложившіяся въ средѣ свободного народа и выставляющія на видъ ихъ злоупотребленія.

Не говоря уже о такихъ важныхъ событіяхъ Донской исторіи, какъ бунтъ Разина, Булавина, бѣгство Некрасова, о которыхъ сложились цѣлыя циклы пѣсень; но и болѣе частыя случаи общественной и семейной жизни казаковъ иногда выражаются въ пѣснѣ. Такъ, однажды, на редутѣ, вслѣдствіе оплошности самыхъ казаковъ, перерѣзали всю казацкую команду; сейчасъ-же по горячимъ слѣдамъ сложилась пѣсня о приказномъ, Агурсевѣ сынѣ,

какъ онъ, оставшись одинъ въ живыхъ изъ своей команды, причитаетъ надъ своими *одно-сумами*. Вызываютъ въ главное войско провинившагося въ чемъ-то полковника Араканцова, и такой частный случай послужилъ сюжетомъ пѣсни. Казакъ убилъ свою нелюбую жену, и убійство скрылъ отъ дѣтей, но правда вышла наружу и вотъ сложилась пѣсня о томъ, какъ «мужъ жену журилъ, бранилъ и убить грозилъ».

Кромѣ того, нельзя не замѣтить характерную особенность Донскихъ пѣсень, на которую указалъ еще Бѣлинскій. Это вѣрное представ-
леніе историческихъ фактовъ. Такая особен-
ность обуславливается конечно самою жизнью казаковъ. Какъ члены Всевеликаго войска, ка-
заки, всегда принимали дѣятельное участіе во
всѣхъ замѣчательныхъ историческихъ событіяхъ
и многія историческія имена имъ были лично
хорошо знакомы, а не понаслышкѣ только или
преданію. Поэтому-то прошло около 200 лѣтъ,
и досихъ поръ поютъ на Дону «о Царевѣ по-
сланникѣ, Семенѣ Константиновичѣ Карамыше-
вѣ,—о вѣрномъ служителѣ Государевомъ, Иванѣ
Матвѣевичѣ Краснощекѣ,—объ измѣнщикѣ
Игнатушкѣ Ивановичѣ Некрасовѣ,—о воеводѣ,

Князь Данилъ Александровичъ Репнинъ, и о другихъ.

Между Донскими пѣснями есть много своеобразныхъ варьянтовъ общихъ Великорусскихъ пѣсень. Очень часто добрый молодецъ у насъ преобразается въ Донскаго казака и больше малолѣточка,—часто раки товъ кустъ—въ коня добраго, въ лошадь вѣрную,—родная стороноушка—въ славный тихій Донъ. Даже о Владиміръ—красномъ солнышкѣ, о Добрынѣ Никитичѣ и Садко-купцѣ, у насъ поются такіе варьянты, которые мнѣ еще не приходилось встрѣчать въ извѣстныхъ сборникахъ пѣсень и которые указываютъ на отличительныя особенности казачьяго быта. Очень естественно, что въ казачьихъ станицахъ, лежащихъ въ сосѣдствѣ съ Великорусскими губерніями, мы встрѣчаемъ варьянты пѣсень, ближе подходящіе подъ общіе Великорусскіе, напримѣръ въ округахъ Хоперскомъ и отчасти Усть-медвѣдицкомъ. Здѣсь то поютъ о Владиміръ, Добрынѣ, Садко,—говорятъ чистымъ Великорусскимъ—Рязанскимъ говоромъ, носятъ Великорусскій сарафанъ и поршни. Станицы, лежащія по среднему теченію Дона, составляютъ, какъ говорятъ, *серцевину* истиннаго Донскаго качества. Удаленныя отъ

другихъ губерній, но въ сосѣдствѣ съ обширными Задонскими степями, эти станицы въ теченіи всего 18-го столѣтія подвергались почти непрерывнымъ набѣгамъ Кубанскихъ и Терскихъ Татаръ, что, безъ сомнѣнія, не мало способствовало образованію отличительныхъ особенностей въ жизни и характерѣ *серединцевъ*, какъ называютъ казаковъ этихъ станицъ. Вслѣдствіе такихъ то историческихъ обстоятельствъ, здѣсь сложилось множество пѣсень и преданій о Татарахъ, о Черкескомъ плѣнѣ, о разорѣніяхъ Татарскихъ. Господствующій здѣсь Рязанскій говоръ значительно испещренъ наплывомъ Татарскихъ словъ; самыя женскіе наряды: *кубилеки*, *бизилики*, *чуреки* свидѣтельствуютъ о значительной долѣ Татарскаго вліянія на домашній бытъ *серединцевъ*. Трудно обозначить опредѣленные границы между «верховыми», «серединцами» и «низовыми» казаками,—поэтому нельзя сказать положительно, съ какой станицы внизъ по теченію Дона начинаются низовые; но ихъ не трудно отличить по говору, въ которомъ Малороссійскія слова, подъ вліяніемъ мягкаго Рязанскаго говора, получили своеобразный характеръ, да и всѣ другія слова выговариваются здѣсь до

приторности—мягко. Женскія кубилеки и колапки здѣсь встрѣчаются уже рѣже, замѣняясь платьями модныхъ покровевъ,—модные романсы, съ тощимъ сентиментальнымъ содержаніемъ, вытѣсняють все болѣе и болѣе безъ искусвенныя народныя пѣсни.

Такъ какъ казакъ прежде всего воинъ и военные походы, битвы съ непріятелями, составляли главную цѣль его жизни, то воспоминанія объ этихъ походахъ и битвахъ заняли видное мѣсто въ Донскихъ пѣсняхъ. По пѣснямъ мы можемъ прослѣдить всю исторію казачей службы, ея характеръ и цѣль, отъ Ермака до настоящаго времени. Такъ еще въ отдаленную отъ насъ эпоху, казаки, не только Донскіе, но Гребенскіе и Яицкіе, группируясь около своего геніальнаго атамана Ермака Тимофеевича, собирались воединый кругъ и думали-думушку единую....

«Какъ зима-то проходить все холодная,
Какъ и лѣто настаетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора ужъ намъ, братцы, во походъ идтить».

Въ чемъ состояли эти походы, на какую мѣстность направлены они были, на это отвѣчаетъ пѣсня такими словами:

«Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы, корабли,
Какъ и тѣ-то кораблики, братцы, не орленые».

Тоже самое говорить и другой воровской атаманъ, Степанъ Тимофеевичъ, обращаясь къ собравшейся около него голи Кабацкой, или голыдьбѣ:

«Судари мои, братцы, голъ кабацкая!
Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьемъ мы, братцы, басурмански корабли,
Возьмемъ мы, братцы, казны сколько надобно».

Хотя въ приведенныхъ пѣсняхъ говорится о походахъ и подвигахъ только «воровскихъ» казаковъ,—то есть не покорныхъ и не послушныхъ верховному правительству,—но въ ту эпоху служба и коренныхъ казаковъ по характеру своему ничѣмъ не отличалась отъ воровскихъ походовъ. Въ самомъ главномъ войскѣ, во Черкаскомъ городкѣ,—какъ говорить народная пѣсня, — казаки пьютъ, гуляютъ, сидятъ по бесѣдушкамъ; одна у нихъ дума и забота:

«Не поставили-бы они, (Азовцы), башеньки на усть
рѣчки Каланчи,
Не перекинули-бы цѣпи чрезъ славный, тихій Донъ!»

Ужъ нельзя намъ, братцы, будетъ во синеморе пройтить,
По синю морю гулять, зипуновъ-то доставать».

Къ этому-же періоду казачей жизни можно отнести пѣсню о Садко, богатомъ гостѣ; только въ нашемъ варьянтѣ этотъ Садко является не Новгородскимъ купцомъ, желающимъ своею несмѣтною казною закупить всѣ товары Новгородскіе,—не искуснымъ гусельникомъ, потѣшающимъ своею игрою Царя водяника, а просто горшечнымъ торговцемъ, который въ Царь-Градѣ, во глумомъ хмѣлю похваляется не только богатствомъ, но и тороватостію:

«Во славномъ во городѣ, во Царѣ-Градѣ,
Во Царѣ-Градѣ—во Царскомъ кабакѣ,
Пьетъ-то Садко, напивается,
Во глумомъ-то хмѣлю похваляется:
—Какъ пѣту Садка богаче его,
Богаче его—тороватѣй его;
Всю Россеюшку я повыкуплю,
Чисто—на—чисто вѣничкомъ повымету!—
Да бѣда на Садка:—рядочки горшечные
Скоро жгутъ, да скорѣй того и дѣлаютъ;
Нагружаетъ Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей—и одинъ корабль;
Пуцался Садко въ Океанъ-море,
Въ святое озеро Ялынское.
Всѣ кораблики въ море поплыли,